

Сразу после большевистского переворота новые хозяева России осознали, что без привлечения на свою сторону квалифицированных командных кадров из бывших офицеров им новой армии не создать, равно как и не обеспечить защиту своего режима от многочисленных врагов. Между тем, вопрос привлечения офицерства на сторону Советской власти был непростым, т.к. большевики и их союзники левые эсеры взяли власть на волне разложения старой армии, солдатской вседозволенности, невиданного унижения и массовых убийств офицеров. Придя к власти, они продолжили прежний курс, который неизбежно должен был оттолкнуть офицеров. Было отменено ношение погон, упразднены воинские звания. Само слово «офицер» уже вызывало подозрения в контрреволюционности, и в Красной армии вместо него было введено в обиход слово «военный специалист» (военспец).

В общей сложности к октябрю 1917 г. в русской армии насчитывалось около 250 000 офицеров, среди которых порядка 190 000 (76 %) составляли офицеры военного времени, многие из которых впервые взяли в руки оружие лишь в годы Первой мировой войны. В пехотных полках действующей армии к ноябрю 1917 г. оставалось 4 % кадровых офицеров [6, с. 27, 28, 52; 4, с. 10]. Среди офицеров морского ведомства кадровые составляли около 60 %. Кадровый офицерский состав, в основном, сохранили и казаки войска.

Между кадровыми офицерами и офицерами военного времени существовала колоссальная разница. Кадровое офицерство было замкнутой привилегированной кастой. Это были люди, целиком посвятившие себя военной службе, военные профессионалы, нередко происходившие из офицерских династий, где, поколение за поколением, представители рода избирали своей профессией военную службу. Часть кадровых офицеров обладала высшим военным образованием, как общим, так и специальным (артиллерийским, инженерным и т.д.). В кадровом офицерстве были сильны корпоративные традиции. Многие кадровые офицеры были выходца-

ми из дворян. Однако на рубеже XIX–XX в. как в русской, так и в других европейских армиях шел процесс расширения социальной базы офицерской корпорации, в которую все активнее проникали представители других сословий и даже делали в армии блестящую карьеру. Так, например, генерал М.В. Алексеев был сыном солдата, выслужившего офицерский чин. Генерал Л.Г. Корнилов был сыном казака, дослужившегося до младших офицерских чинов. Генерал А.И. Деникин был сыном крепостного крестьянина, отданного в рекруты и дослужившегося до офицерских чинов. Советский главком бывший полковник И.И. Вацетис родился в семье батрака.

В среде патриотически настроенного офицерства был распространен взгляд на большевиков как на врагов России, предателей, прямых наймитов Германии...

Кадровые офицеры были традиционно чужды политической жизни, не знали и не понимали значения партийной борьбы и идеологии, воспитывались на идеалах приверженности императору. Однако в офицерской среде все чаще появлялись политически активные люди, в т.ч. сторонники конституционной монархии или республиканского строя. Кадровыми офицерами были крупнейшие деятели контрреволюционного лагеря Гражданской войны (например, генералы Е.К. Миллер, Н.Н. Юденич адмирал А.В. Колчак) и многие видные военные работники советской России (бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, бывшие полковники И.И. Вацетис, С.С. Каменев и Б.М. Шапошников, бывший подпоручик М.Н. Тухачевский).

Офицеры военного времени представляли собой совсем иную среду. Источники производства в офицерские чины этой категории лиц были крайне разнородны. Офицером военного времени

мог стать не нюхавший пороха выпускник университета или, например, участвовавший во многих кампаниях простой необразованный казак, выслуживший унтер-офицерское звание, а затем за боевое отличие произведенный в офицеры. Социальный состав офицерства военного времени был очень широк и демократичен. Существенно различались квалификация и уровень подготовки этих людей. Многие из них не связывали свою жизнь с военной службой. Фактически эта категория офицеров представляла собой срез всего русского общества и в большей степени отражала не офицерское мировоззрение, а мировоззрение тех слоев населения, из которого такие офицеры происходили. Они были гораздо хуже подготовлены к управлению войсками, чем кадровые офицеры и их сложнее отнести к военным профессионалам. Но, вполне естественно, в среде офицеров военного времени было множество сторонников народнических взглядов, приверженцев левых политических течений (например, первый советский Верховный главнокомандующий Н.В. Крыленко, С.Г. Лазо, М.К. Тер-Арутюнянц, И.Ф. Федько, Н.А. Щорс и др.). И, конечно, такие офицеры приняли как Февральскую, так и Октябрьскую революции и активно поддерживали большевиков.

Нельзя сбрасывать со счетов негативное отношение к большевикам, объединявшее многих офицеров. В среде патриотически настроенного офицерства был распространен взгляд на большевиков как на врагов России, предателей, прямых наймитов Германии, стремившихся к поражению собственной страны в мировой войне и заключивших в 1918 г. позорный сепаратный мир с врагом, предав союзников России по Антанте. Этот взгляд был не далек от действительности и служил одной из причин перехода офицеров на сторону антибольшевистских сил.

Активное выражение собственной гражданской позиции — удел меньшинства в любом обществе. Не являлось исключением и русское офицерство. Громадное большинство офицеров представляло собой инертную массу, которая по выработанной за годы службы привычке слепо исполняла приказы сверху и

ЦВМИАИВВС © Дроздов И.Г.

Первые красноармейцы. 1918 год. Худ. Дроздов И.Г. 1924. Центральный военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

продолжала оставаться на своих местах и после октябрьского переворота. Поскольку большевики взяли под контроль центр страны, где располагались все органы центрального военного управления, а также прифронтовую полосу нескольких фронтов и Ставку, значительная часть офицерства таким путем, как бы по инерции, перешла из учреждений старой армии в те же, но видоизмененные органы новой, Красной армии. Например, большинство работников Ставки осталось на своих местах после смены власти. В этом смысле период перехода от структур старой армии к Красной армии может быть назван инерционным. Многие попавшие таким путем в новую армию считали, что служат своей стране безотносительно правящего режима. Например, генерал А.А. Балтийский прямо заявлял о себе и своих единомышленниках: «И я, и многие офицеры, шедшие по тому же пути, служили царю, потому что считали его первым из слуг отечества, но он не сумел разрешить стоявших перед Россией задач и отрекся. Нашлась группа лиц, вышедших из Государственной думы, которая взяла на себя задачу продолжать работу управления Россией. Что ж! Мы пошли с ними, помогая им как только могли и работая не для них, а для пользы родины. Но они тоже не справились с задачей, привели Россию в состояние полной разрухи и были отброшены. На их место встали большевики. Мы приняли их как правительство нашей родины и также по мере сил стремились помочь им в их работе. В политику мы в то время не вмешивались и действовали по признаку преемственности власти» [3, с. 420]. Подобная позиция едва ли может быть названа гражданской, но она была достаточно распространена.

Лишь меньшая часть офицерства по идейным причинам, осознанно, пошла на сотрудничество с большевиками. Но такие люди были. К примеру, после июльских событий 1917 г. с военной организацией Петербургского комитета РСДРП(б) начал сотрудничать генерал Н.М. Потапов, связанный с большевиками М.С. Кедровым и руководителем военной организации большевиков Н.И. Подвойским. По свидетельству Ке-

дрова, генерал Потапов еще при Керенском «оказывал большевикам ценные услуги» [7, с. 86].

Уже в 1920 г., бывший Генштаба полковник Н.Н. Петин в радиোগрамме своему однокашнику по академии, оказавшемуся у белых, генералу П.С. Махрову сообщал о своем переходе на сторону советской власти: «Я принимаю за личное для себя оскорбление Ваше предположение, что я могу служить на высоком ответственном посту в Красной армии не по совести, а по каким-либо другим соображениям. Поверьте, что если бы я после тяжелых переживаний не прозрел, то находился бы либо на Вашей стороне, либо в тюрьме или концентрационном лагере... я решил, что ничто не может оторвать меня от народа и отправился с оставшимися сотрудниками и имуществом Штаба фронта в страшную для нас в то время, но вместе с сим родную Советскую Россию. Может быть, Вы по-прежнему думаете, что в России все военспецы работают по принуждению под страхом расстрела, но такое заблуждение допустимо лишь рядовому офицерству, которое, насколько мне известно, Вы держите в полной слепоте, для Вас же, занимающего столь ответственную должность, как должность Начальника Штаба армии и пользующегося всеми средствами разведки как агентурной, так и при посредстве иностранной прессы, должна была давно уже открыться картина истинного положения страны, и я только удивлялся, как Вы, более других возмущавшийся в дни первой революции бесправием рабочего класса, до сего времени стоите в рядах злейших врагов народа» [15]. В то же время абсолютное меньшинство военспецов вступило в большевистскую партию.

Среди старших офицеров, продолжавших служить на прежних местах при новой власти, было распространено заблуждение, что, оставшись на старых должностях, можно сохранить контроль над армией в новых условиях и не отдать ее в руки большевиков. В этой связи достаточно любопытны показания бывшего генерала С.Г. Лукирского, данные во время следствия по делу «Весна» в январе 1931 г.: «Наступившая октябрьская революция внесла некоторую

неожиданность и резко поставила перед нами вопрос, что делать: броситься в политическую авантюру, не имевшую под собой почвы или удержать армию от развала, как орудие целостности страны. Принято было решение идти временно с большевиками. Момент был очень острый, опасный; решение должно было быть безотлагательным, и мы остановились на решении: армию сохранить во что бы то ни стало...» [14]. По свидетельству генерала П.П. Петрова, служившего в 1918 г. в чине полковника в штабе 1-й армии бывшего Северного фронта: «Все мы тогда плохо знали, или закрывали глаза на то, что делалось на юге и считали, что *в интересах русского дела, надо держать в своих руках хотя бы и в стеснительных условиях военный аппарат* [курсив автора. — А. Г.]. Вспышки гражданской войны нас непосредственно не касались...» [10, с. 245]. В действительности, подобные мотивы оказались иллюзией. Осознав невозможность осуществить задуманное в советских условиях, сторонники такой идеи или переходили на сторону антибольшевистских сил или ввязывались в крайне рискованную подпольную работу.

Беспочвенными оказались и надежды на непрочность и непопулярность большевиков, которых из-за этого поддерживали лишь для того, чтобы они свергли деструктивное Временное правительство, после чего были бы сменены какой-то другой, более приемлемой для офицерского мировоззрения, властью. Генерал А.А. Брусиллов писал о мотивах своего поступления на службу в РККА: «Я, как с малых лет военный, за эти годы [1917–1920. — А. Г.] страдая развалом армий, надеялся опять восстановить ее [так в тексте. — А. Г.] на началах строгой дисциплины, пользуясь красноармейскими формированиями. Я не допускал мысли, что большевизм еще долго продержится. В этом я ошибся, но я ли один?...» [1, с. 297]. Однако Брусиллов и те, кто мыслил так же, не ошиблись в том, что большевики довольно быстро смогли на новых началах восстановить армию и наладить строгую дисциплину. Эти меры не могли не импонировать офицерам, увидевшим в новом режиме сильную власть, способную справиться с анархией в стране.

Отметим еще ряд причин, по которым офицеры добровольно выбирали службу в Красной армии в 1918 г. Для многих офицеров, прежде всего, кадровых, военная служба была единственным занятием, вне армии и в отрыве от любимого дела эти люди себя не представляли. Среди таких офицеров получила распространение психология «ландскнехтов», готовых служить любой власти, нуждающейся в их услугах. Для них подходящим вариантом была служба как в Красной армии, так и в любых других армиях Гражданской войны. Тем более, что в новой армии они были не одиноки — там оказались тысячи их прежних сослуживцев.

В Красную армию активно шли карьеристы. Тесно связанным с большевиками был бывший генерал М.Д. Бонч-Бруевич, родной брат которого занимал пост управляющего делами СНК и был вхож в ближний круг большевистского лидера В.И. Ленина, причем последний даже ночевал у него на квартире [9, с. 79]. Но в идейном большевизме генерала Бонч-Бруевича можно усомниться.

До 1917 г. Бонч-Бруевич придерживался крайне правых взглядов. После этого с ним, как и со знаменитым генералом Брусилловым, прежде всегда целовавшим руку императору с целью подчеркнуть свою особую преданность, произошла резкая перемена. Как и Брусиллов, Бонч-Бруевич был беспринципным карьеристом. Не удивительно, что оба генерала прижились в новых условиях и, избежав серьезных репрессий, дожили в СССР до глубокой старости. В своих воспоминаниях, которые, в большей степени, являются образцом политической мимикрии в советских условиях, чем историческим источником, Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения. Нутром я верил Ленину...» [2, с. 226]. Однако другие генштабисты не разделяли подобного идиллического взгляда, утверждая, что такие, как Бонч-Бруевич, «предают брата родного... и довольно дешево» [12, с. 43].

Поступление в новую армию давало возможность про-

двинуться по службе и тем, кто по каким-то причинам не мог на это рассчитывать в старой армии. Существует немало свидетельств, что в РККА добровольно шли ради карьеры люди, обиженные при старом режиме, неудачники, стремившиеся реализовать свой невостребованный или отсутствовавший потенциал. Например, таким путем в РККА попал генерал В.А. Ольдерогте, который во время русско-японской войны в чине подполковника служил правителем канцелярии дорожного отдела управления военных сообщений штаба Маньчжурских армий и получал взятки, а, когда афера раскрылась, был переведен из Генерального штаба в строй. В 1918 г. этот офицер, презираемый в кругу генштабистов, добровольно поступил на службу в РККА, где, конечно, смог служить и по Генеральному штабу. Однокашник генерала Деникина по юнкерскому училищу и академии генерал П.П. Сытин к началу Первой мировой войны оказался последним по старшинству из своего академического выпуска. Лишь в 1917 г. он получил генеральский чин. Возможно, именно карьерные неудач побудили его пойти на службу в новую армию.

Важным стимулом поступления в Красную армию было получение жалования и продовольственного пайка, позволявшего

выжить офицерам и их семьям в условиях хаоса и разрухи. Наконец, поступление в новую армию могло защитить от произвола бандитской стихии на местах, от которой в 1917–1918 гг. погибли сотни офицеров.

Группа офицеров в конце 1917 – начале 1918 гг. участвовала в качестве экспертов в мирных переговорах с представителями центральных держав в Брест-Литовске. В феврале 1918 г., в разгар демобилизации старой армии, немцы начали масштабное наступление на Восточном фронте. По патриотическим соображениям, для защиты своей страны от обнаглевшего от безнаказанности безжалостного врага, тысячи офицеров добровольно пошли в новую армию. По этой причине, например, в Красной армии оказались генералы Д.П. Парский и Е.А. Искрицкий, видный военный ученый генерал А.А. Свечин, полковник С.С. Каменев и др.

Старое офицерство приняло самое активное участие в отражении немецкого наступления и в защите Петрограда. На всех основных направлениях возглавляли оборону подступов к столице исключительно бывшие офицеры Генерального штаба. Они же осуществляли верховное руководство и координацию действий советских отрядов из Петрограда. Руководил оборо-

ной Петрограда Бонч-Бруевич, его ближайшим помощником был генерал-квартирмейстер Ставки, бывший генерал Н.А. Сулейман, участвовали в работе генералы-генштабисты С.Г. Лукирский, Н.И. Раттэль, А.С. Гришинский, М.М. Загю (всево с Бонч-Бруевичем из Ставки в Могилеве в Петроград в феврале 1918 г. приехали 12 бывших офицеров Генштаба [2, с. 244, 245; 6, с. 68]), на псковском направлении держались отряды бывшего полковника И.Г. Пехливанова, финляндский район обороняли отряды под командованием бывшего генерала Д.Н. Надежного, в районе Нарвы и Ямбурга сражались войска бывшего генерала Д.П. Парского, в районе Дно — бывшего генерала Ф.А. Подгурского. Под руководством известного военного инженера, бывшего инженер-генерала К.И. Величко спешно подготавливались к обороне ближние подступы к столице.

«Наступление немцев на Псков и Нарву толкнуло меня предложить свои услуги Советской власти», — сообщил в своих показаниях по делу «Весна» А.А. Свечин. К 1 марта 1918 г. в Петрограде 28 бывших генералов и полковников, занимавших в старой армии должности командиров полков и выше, изъявили желание участвовать в обороне города. В общей сложности более 8000 бывших офицеров в период немецкого наступления добровольно вступили в Красную армию [6, с. 70]. Такого количества командных кадров было достаточно для укомплектования 20 дивизий. Важным шагом по укреплению Красной армии и привлечению в нее бывших офицеров стал приказ Высшего Военного Совета от 21 марта 1918 г., отменивший выборное начало. До массовых регистраций и мобилизации офицеров было решено «вылавливать единичных работников-специалистов, и держать их на случай, когда будет армия для формирования штабов».

Одним из инициаторов политики массового привлечения бывших офицеров в РККА был нарком по военным и морским делам Л.Д. Троцкий, которому пришлось приложить немало усилий, чтобы его взгляд на вопросы развития Красной армии завоевал популярность в ЦК партии. Наиболее дальновидные представители советского воен-

Офицеры русской армии на переговорах в Брест-Литовске. 2-й слева В.А. Липский. Кадр кинохроники

но-политического руководства понимали, что на добровольных началах и путем импровизаций массовой армии не построят. К тому же многие офицеры, поступившие в новую армию, отнюдь не горели желанием участвовать в разворачивавшейся в России братоубийственной войне. Некоторые при зачислении в Красную армию прямо выдвигали условие, что не будут воевать на внутреннем фронте, а готовы сражаться только с внешним врагом.

В результате аттестации бывших офицеров по благонадежности и знаниям в РККА было принято лишь 765 чел. [13, л. 7]. По приказу наркомата по военным и морским делам № 324 от 7 мая 1918 г. началась регистрация бывших офицеров-специалистов в уездных военных комиссариатах. Именно с регистраций начался процесс массового привлечения офицеров на советскую службу. Первоначально регистрации были добровольными, но постепенно правила ужесточались, происходил переход к добровольно-принудительным (например, под угрозой невозможности дальнейшей службы по профессии, как в случае с офицерами Генерального штаба [5, с. 45, 46, 50–52.]) и принудительным формам. Летом 1918 г. уже осуществлялись мобилизации офицеров, ставшие единственным способом привлечь массу бывших офицеров на жизненно важные для большевиков внутренние фронты.

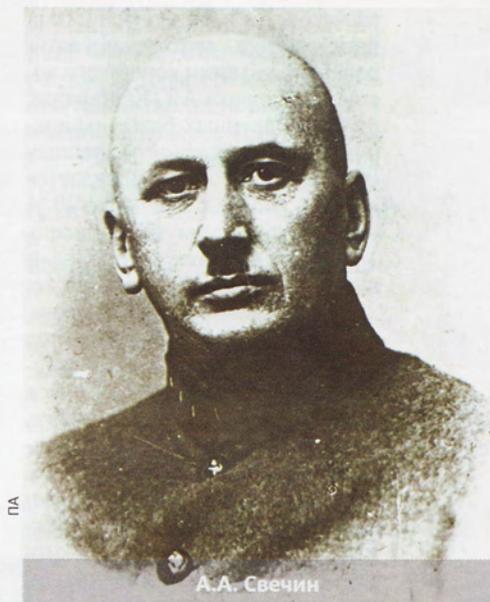
29 июля 1918 г. был издан декрет СНК о призыве бывших офицеров 1892–1897 гг. рождения. Мобилизации проводились только в Москве, Петрограде и в семи губерниях — Московской, Петроградской, Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Вятской, Пермской, а также в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов. Призыв офицеров оказался сопряжен с немалыми трудностями, которые порождали волну недовольства. Печально известна история регистрации офицеров, прошедшая в Москве в августе 1918 г. Тысячи офицеров оказались согнаны в манеж Алексеевского военного училища и задержаны там под охраной двух рот китайцев. Несчастные люди провели несколько дней в период с 6 по 13 августа 1918 г. без еды, кипяченой воды и в

антисанитарных условиях, в результате чего у некоторых начались желудочно-кишечные заболевания. Принудительная мобилизация к сентябрю 1918 г. дала только 4237 военных специалистов. По другим данным, призывы по декретам от 29 июля, 2 и 29 августа и 3 сентября дали РККА к 7 октября 1918 г. 9901 бывшего офицера, 15 695 бывших унтер-офицеров, 303 врача, 2446 фармацевтов и фельдшеров, 481 бывшего чиновника. 1 октября 1918 г. был опубликован новый декрет о призыве бывших офицеров и военных чиновников, не достигших к 1 января 1918 г. 40 лет, а 14 ноября было издано аналогичное постановление Реввоенсовета республики (РВСР) [11, с. 114, 115].

Однако действие рождало противодействие. В обстановке внутреннего противоборства с развертыванием в конце весны 1918 г. полномасштабной Гражданской войны началось бегство оказавшихся в Красной армии бывших офицеров в антибольшевистские армии. За период 1918–1920 гг. из Красной армии бежали свыше 500 одних только офицеров-генштабистов — представителей сравнительно узкой и немногочисленной группы внутри офицерства [5, с. 120–122]. Количество перебежчиков из других категорий офицерства исчислялось тысячами. К белым перелетали целые авиаотряды, переходили высокопоставленные военспецы до уровня командующих армиями включительно. Отдельные категории бывших офицеров практически не были представлены в Красной армии. Прежде всего, казачье офицерство, которое почти целиком перешло на сторону антибольшевистских сил.

Численность военспецов существенно возросла лишь к концу 1918 г., т.к. только 23 ноября 1918 г. Реввоенсовет Республики издал приказ № 275 о призыве с 25 ноября по 15 декабря всех бывших обер-офицеров до 50 лет, штаб-офицеров до 55 лет и генералов до 60 лет, что дало новой армии свыше 50 000 военспецов, а также 9000 лиц административно-хозяйственного состава [13, л. 7].

В данных о численности бывших офицеров и военных чиновников в Красной армии есть существенные разночтения.

ПА

А. А. Свечин

В официальных отчетах отмечалось, что в 1918 г. в РККА было зачислено 23,9 тыс. офицеров и чиновников, в 1919 г. — 80 тыс. и в 1920 г. — 18,4 тыс. Итого 122,3 тыс. чел. По документам учета бывших белых офицеров советскими органами госбезопасности, военные чиновники составляли до трети от общего числа зарегистрированных [8, с. 11]. Однако для Гражданской войны характерно другое соотношение офицеров и чиновников. Так, по данным о составе антибольшевистских формирований Северо-Запада России в конце 1918 г., количество чиновников в 7–8 раз меньше количества офицеров. Соответственно, из 122,3 тыс. офицеров и чиновников могло быть около 108 тыс. бывших офицеров. Нельзя исключать, что в эту статистику включены и унтер-офицеры. По другим данным, с марта 1918 г. по 15 июня 1920 г. на укомплектование комсоставом было направлено 154 923 чел., в т.ч. 22 869 красных командиров (краскомов). Остальные — 132 054 чел. представляли собой бывших офицеров, военных чиновников и унтер-офицеров (до 22 тыс. чел.). За вычетом унтер-офицеров, бывших офицеров и чиновников остается около 110 тыс. чел. Таким образом, только бывших офицеров могло быть порядка 98 тыс. чел.

В исторической литературе также нет единого взгляда на распределение офицерского корпуса в Гражданскую войну. Причины этого кроются как в отсутствии источниковой базы для таких

расчетов, так и в идеологических пристрастиях некоторых авторов. По подсчетам советского военного историка А.Г. Кавтарадзе, с учетом пленных белых офицеров общая численность военных специалистов РККА оценивается в 75–78 тыс. чел. или около 30 % офицерского корпуса на осень 1917 г., в т.ч. свыше 65 тыс. офицеров военного времени [6, с. 222]. По мнению С.В. Волкова, в 75 тыс. военных специалистов должны быть включены и военные чиновники [4, с. 317]. Волков предпринял попытку занижить численность военных специалистов РККА и зависить этот показатель по белым армиям, но противоречит сам себе, то утверждая, что в РККА могло служить не более 68 тыс. офицеров, то, что их было примерно 50 тыс., т.к. в состав 75 тыс. военспецов, якобы, входят еще 24 тыс. врачей и военных чиновников, то утверждая, что офицеров было 55–58 тыс. [4, с. 398].

Как бы то ни было, именно на плечи военспецов легла вся техническая работа по формированию новой армии. По подсчетам Кавтарадзе, военспецы составляли 85 % командующих фронтами, 100 % начальников фронтовых штабов, 82 % командиров, не менее 91 % начальников армейских штабов, до 70 % начальников дивизий и свыше 50 % начальников штабов дивизий, более 90 % преподавательского состава военно-учебных заведений периода Гражданской войны [6, с. 198, 208, 210], что свидетельствует об их решающем вкладе в дело создания РККА. Не случайно В.И. Ленин весной 1920 г. неоднократно отмечал, что без военспецов не было бы ни Красной армии, ни ее побед.

Положение бывших офицеров в новой армии было непросто. Комиссары и красноармейская масса относились к ним с недоверием, как к заведомым врагам и контрреволюционерам. Красные командиры, окончившие военно-учебные заведения в советской России, считали бывших офицеров своими конкурентами в борьбе за командные посты, относились к ним враждебно, интриговали против них, пользуясь своей близостью к власти и партийными связями. Возник даже термин «спецеество», отражавший неприятие бывших офицеров в армии ра-

бочих и крестьян. Несмотря на недоверие, комиссары должны были оберегать военспецов от солдатских масс и разъяснять бойцам смысл и значение привлечения бывших офицеров в новую армию. Другой функцией комиссаров был политический контроль за военспецами и предотвращение измен. Не все комиссары были к этому надлежащим образом подготовлены. Тем более, что для успешной работы необходимо было обладать не только военными знаниями, но и чувством такта.

Массовые репрессии 1930-х гг... нанесли тяжелый удар по бывшим офицерам, немалая часть которых была уволена из армии, необоснованно арестована и расстреляна.

Для повышения лояльности специалистов и предотвращения многочисленных измен принимались серьезные меры. Первоначально вся ответственность за измены военспецов возлагалась на комиссаров, однако события лета 1918 г. показали недостаточность такого контроля. Комиссары не могли предотвращать измены, взаимоотношения командиров и комиссаров приобретали личностный характер, при котором имели место как конфликты и конфронтации, так и симпатии. Наличие дружеских отношений командиров и комиссаров вело к снижению контроля. Одним из способов устрашения военспецов стало издание 30 сентября 1918 г. Троцким приказа о взятии в заложники членов семей изменников, однако этот приказ не получил сколько-нибудь широкого применения. Еще одним способом держать офицеров в напряжении были их произвольные и необоснованные аресты. Многие аресты просто невозможно логически объяснить. Объяснение им дал член РВСР Константин Александрович Мехошин: «К арестам же и обыскам специалистов я могу лишь

порекомендовать относиться более спокойно — это есть одна из форм контроля и воздействия на них, дабы предавать и изменять было бы не так легко и без риска, что многих слабодушных удержит от измены».

На VIII съезде РКП(б) во второй половине марта 1919 г. развернулась масштабная дискуссия об использовании военспецов в Красной армии. Противниками политики массового привлечения военспецов была группировка, неформальным лидером которой был член ЦК РКП(б) И.В. Сталин. Ленин тогда поддержал отсутствовавшего Троцкого и подчеркнул важность использования культурно-буржуазного аппарата, не прибегая к излишнему притеснению специалистов, но контролируя их работу.

Постепенно в Красной армии стали складываться группировки партийных лидеров и поддерживавших их крупных военспецов. Военрук Высшего Военного Совета, а позднее начальник Полевого штаба РВСР М.Д. Бонч-Бруевич, главком С.С. Каменев и командующий Кавказским и Западными фронтами М.Н. Тухачевский были выдвинутыми Лениным. Выдвинутыми Сталина считались командующий Южным и Юго-Западными фронтами А.И. Егоров и командующий 14-й, 9-й и 13-й армиями И.П. Уборевич. Главком Вацетис мог считаться ставленником Троцкого. Конфликты в большевистской верхушке нередко вели к резонансным делам в отношении военных специалистов. Например, такой характер носили массовые аресты военспецов в Полевом штабе Реввоенсовета Республики в июле 1919 г., в результате которых сменилось высшее военное руководство советской России. Существуют различные версии этих событий, за которыми стояли Ленин, Сталин и Троцкий.

Важнейшей задачей большевиков было выстраивание мощной армии, в которой, несмотря на приоритетное положение партии, должен был все-таки существовать некий баланс интересов комиссаров и военспецов, поскольку одним принуждением эффективную армию построить было невозможно. Многие бывшие офицеры служили в Красной армии отнюдь не из-под палки. Известны случаи героического поведения военных специали-

стов. Например, бывший генерал А.П. Николаев, командовавший бригадой 19-й стрелковой дивизии, был взят белыми в плен в мае 1919 г. под Ямбургом. За отказ перейти к белым на службу он был повешен. Аналогичный поступок совершил бывший генерал А.В. Станкевич, командовавший 55-й стрелковой дивизией РККА. Попав в плен к белым на Южном фронте в октябре 1919 г., он отказался перейти к ним на службу, за что подвергся жестоким пыткам и был повешен.

Режим работы военспецов, в особенности специалистов Генерального штаба, был просто невероятным. Из-за нехватки лиц с высшим военным образованием они работали практически без отдыха, иногда по 17–19 часов в сутки. Работа без сна на протяжении нескольких дней была обычным явлением. Отношение ко многим специалистам со стороны политического руководства было исключительно потребительским — максимально использовать их знания и опыт, не

считаясь с нагрузкой. При содействии военспецов большевики смогли восстановить сеть дореволюционных военных училищ и академий, а часть военно-учебных заведений была создана с нуля, в т.ч. академия Генерального штаба.

Среди военспецов оказалось немало тех, кто сумел приспособиться к условиям новой армии и сделал в ней стремительную карьеру. При отсутствии в Красной армии воинских званий карьера тогда определялась занимаемыми должностями. В период 1917–1922 гг. для быстрого должностного роста в Красной армии требовались личные качества и профессиональные умения, а также лояльность большевистской власти. Важную роль могла играть протекция со стороны того или иного партийного руководителя. Покровительственным и, в целом, доброжелательным отношением к военспецам среди большевистской элиты, например, известны Л.Д. Троцкий, С.И. Аралов (сам

являвшийся бывшим офицером), М.В. Фрунзе. Впечатляющей карьерой за годы Гражданской войны могли похвастаться из числа бывших офицеров И.И. Вацетис, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, А.И. Корк, М.И. Василенко (успевший послужить в 1918–1919 гг. даже у белых на Восточном фронте), дослужившиеся до высших постов в советской военной иерархии — уровня главнокомандующих, командующих фронтами и армиями.

Несколько бывших офицеров стали членами высшего органа советского военного управления — Реввоенсовета Республики. Среди них были бывшие полковники И.И. Вацетис и С.С. Каменев, бывший контр-адмирал В.М. Альтфатер, бывший подпоручик В.А. Антонов-Овсенко, бывший штабс-капитан С.И. Аралов, бывший прапорщик Д.И. Курский, бывший мичман Ф.Ф. Раскольников. Таким образом, из 23 членов РВСР было 7 военспецов (хотя к дезертировавшему еще в русско-японскую войну Антонову-О-

Военные специалисты среди работников штаба 16-й советской армии. Июнь-июль 1919 г.

Сидят (слева направо): бывший капитан, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. Н.М. Вельгорский, бывший генерал-майор В.Н. Зайцев, бывший капитан В.Л. Баранович, командующий армией бывший Генеральный штаба генерал-лейтенант А.В. Новиков, А.А. Токарев, начальник штаба армии бывший Генеральный штаба капитан В.В. Сергеев (со знаком Николаевской военной академии), Е.А. Рождественская, начальник оперативного отделения штаба армии бывший капитан М.А. Дулов, заведующий разведкой В.Е. Крохалев. Стоят (слева направо): интендант Дмитриев, заведующий связью П.С. Волковский, Е.И. Белявский, В.А. Мячков, неизвестный, М.В. Логинов, Иванов, Матвеев, бывший штабс-капитан Г.В. Калиновский, Вознесенский, Б.П. Добротворский, П.О. Пуссуль, В.П. Усачев, Н.П. Гвоздев, помощник начальника оперативного отделения штаба армии бывший капитан Н.Е. Варфоломеев

всеенко термин «военспец» может относиться весьма условно) или 30,4 % всех членов РККА, причем Вацетис, Каменев и Альтфатер, которые единственные из всех членов РККА являлись действительно квалифицированными военспецами, были беспартийными.

Талантливые и популярные у красноармейской массы военачальники, обладавшие лидерскими качествами и харизмой вождей, вызывали обеспокоенность большевистского руководства, опасавшегося развития событий по бонапартистскому сценарию, когда на гребне революционной волны могла родиться военная диктатура. По этим причинам популярных военных руководителей старались устранять. В этом отношении показательна расправа большевиков с возглавившим 2-ю Конную армию бывшим войсковым старшиной Ф.К. Мироновым.

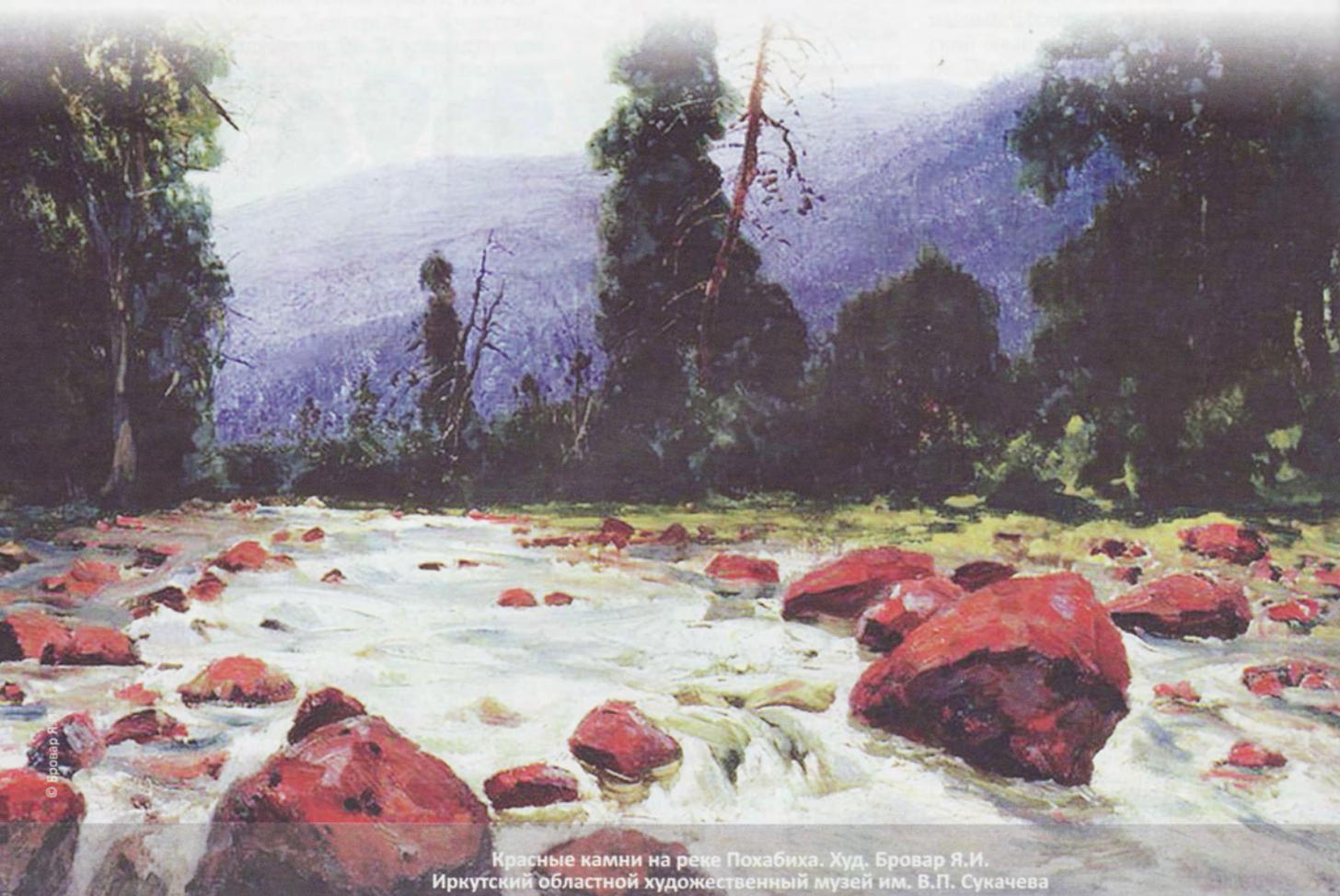
Представление о характере службы бывших офицеров в Красной армии в разгар Гражданской войны дает официальная диаграмма распределения убыли

летчиков из красного военно-воздушного флота в 1918–1919 гг. Всего из рядов советской авиации за это время выбыли 554 летчика. Из них 56 разбились насмерть, 59 пропали без вести, 92 получили ушибы и увечья, 18 умерли от ран, 15 были уволены по болезни, 63 дезертировали, 43 попали в плен, 92 арестованы, 39 перебежали и перелетели к противнику, 9 расстреляны, 68 выбыли по разным причинам. Суммарно дезертировали, перебежали и перелетели к противнику 102 чел. При суммировании с пленными — 145 чел. или 26,2 % по тем или иным причинам оказались в лагере противника или сбежали от большевиков, 13,4 % погибли или умерли от ран, 19,3 % оставили службу из-за ранений и болезней, 16,6 % были арестованы, 1,6 % были расстреляны. К началу 1920 г. в строю оставались только 378 летчиков. Таким образом, до 44,4 % потерь были связаны с пленом, дезертирством и репрессиями.

Советско-польская война вновь вызвала всплеск патриоти-

ческих настроений в офицерской среде. В мае 1920 г. было опубликовано знаменитое воззвание бывшего генерала А.А. Брусилова и ряда других старых генералов «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» с призывом сплотиться в борьбе с внешним врагом. Выпуск этого воззвания оказал значительное влияние на тех бывших офицеров, которые еще не служили в Красной армии. Многие белые офицеры, поверившие этому воззванию и сдавшиеся большевикам, были затем репрессированы.

К концу Гражданской войны комсостав Красной армии пополнился бывшими белыми офицерами. К 1 января 1921 г. таких было около 12 тыс. человек или 5,53 % комсостава РККА. В 1921 г. на учет было принято еще 2390 бывших белых офицеров. Однако от белогвардейцев старались избавляться, поэтому в результате увольнений в Красной армии остались только 1975 бывших белых офицеров, что составило 2,3 % командного состава. Из этого количества 33,3 % не подлежали

Красные камни на реке Похабиха. Худ. Бровар Я.И.
Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева

увольнению как высококвалифицированные специалисты. В белом лагере подобное внимательное отношение к пленным военспецам и их активное и массовое использование на ответственных постах было невозможно. Бывшие белые офицеры были источником постоянного беспокорства советских органов госбезопасности. Для контроля над ними проводились неоднократные регистрации, неучастие в которых было уголовно наказуемо. В 1924–1927 гг. было проведено снятие бывших белых офицеров с особого учета, фактически ставшее новой перерегистрацией.

По данным на 1921 г. 41,5 % комсостава не был подготовлен для занятия командных должностей. Такова была цена создания массовой армии. Коммунистов в высшем комсоставе в 1921 г. было 41,1 %. Всего в 1920 г. партийного комсостава насчитывалось лишь 10,5 %. Никто из военспецов, занимавших высшие посты в РККА того времени, не был партийным. Беспартийными были и М.Д. Бонч-Бруевич, и главкомы И.И. Вацетис и С.С. Каменев (вступил в партию только в 1930 г.), и начальники Полевого штаба РВСР Н.И. Ратгэль, П.П. Лебедев и Ф.В. Костяев, и другие, усилиями которых была достигнута победа красных в Гражданской войне. В то время членство в партии еще не воспринималось как необходимость для продвижения по службе или укрепления своего положения.

Комсостав Красной армии был очень молодым — 93,4 % командно-административного состава РККА в 1922 г. находились в возрасте 18–32 лет, в т.ч. около 57 % в возрасте 23–27 лет. Доля бывших офицеров в командном составе РККА постепенно снижалась. Если в 1918 г. они составляли 75 % комсостава, то в 1919 г. — уже 53 %, в 1920 г. — 42 % и в конце 1921 г. — 34 %. У этого процесса были объективные (подготовка новых кадров красных командиров, преклонный возраст некоторых военспецов) и субъективные причины (очищение командно-начальствующего состава от «классово чуждых» элементов и репрессии). Некоторые бывшие офицеры в 1920-е гг. легально и нелегально уехали из советской России за рубеж. По данным отчета наркомата по военным и морским делам, в 1922

г. в РККА числилось: 4710 кадровых офицеров, получивших образование до 14 июля 1914 г. (5,1 % комсостава), 16 592 офицера военного времени (17,97 %), 39 896 командиров без военной подготовки (43,21 %), 220 выпускников военных академий (0,23 %), 2372 выпускника высших школ (2,57 %), 12 752 выпускника школ и курсов комсостава (13,82 %). Из этих данных следует, что в конце Гражданской войны военных специалистов оставалось не более 26 % комсостава.

Советские органы госбезопасности обладали исчерпывающей информацией о положении и взаимоотношениях в среде бывших офицеров в СССР. В их среде активно внедрялась секретная агентура из таких же военспецов. Органами госбезопасности для служебного пользования издавались книги учета бывших белых офицеров (к примеру, лишь одна такая книга, подготовленная в 1931 г. ГПУ УССР, содержала сведения на 21 000 офицеров и военных чиновников [8]). Как и до революции, офицеры в СССР оказались связаны круговой порукой. Если до 1917 г. она проявлялась в корпоративном духе офицеров, в их многовековых традициях и принципах, то теперь такая порука была им навязана извне, органами госбезопасности и режимом и сводилась к необходимости доносить обо всем подозрительном.

Массовые репрессии 1930-х

гг. (дело «Весна» 1930–1931 гг. и Большой террор второй половины 1930-х гг.) нанесли тяжелый удар по бывшим офицерам, небольшая часть которых была уволена из армии, необоснованно арестована и расстреляна. Жертвами репрессий стали многие из тех, кто внес наиболее весомый вклад в создание Красной армии и в ее победу в Гражданской войне (И.И. Вацетис, А.И. Геккер, А.И. Егоров, А.И. Корк, Н.И. Ратгэль, А.А. Свечин, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич и мн. др.). Немногочисленные уцелевшие после чисток и продолжавшие служить в Красной армии бывшие офицеры приняли участие в Великой Отечественной войне, внося свой солидный вклад в дело победы над нацизмом.

Военные специалисты сыграли важнейшую роль в создании и укреплении Красной армии. Благодаря их деятельности Красная армия сохранила преемственность от старой русской армии. Наличие среди военспецов многих высокообразованных офицеров способствовало повышению интеллектуального уровня Красной армии. Военспецы сумели передать свои знания и опыт следующим поколениям советских командиров, что в конечном итоге способствовало как победе в Великой Отечественной войне, так и превращению Советской армии в одну из самых грозных армий мира в послевоенный период. ■

Источники

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001.
2. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1957.
3. Верховский А.И. На трудном перевале. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1959.
4. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001.
5. Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М.: Русский путь, 2009.
6. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М.: Наука, 1988.
7. Кедров М.С. За Советский север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах Гражданской войны 1918 г. Л.: Прибой, 1927.
8. Книга учета лиц, состоявших на особом учете бывших белых офицеров в органах ГПУ Украины. Т. 1. Х.: Сага, 2011.
9. Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987.
10. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига: Издание М. Дидковско-го, 1930.
11. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919 гг. М.: Русский мир, 1997.
12. Снесарев А.Е. Москва — Царицын. Из дневника 1918 года (май) // Московский журнал. 1996. № 3.
13. Краткий отчет начальника Всероссийского главного штаба к 1 сентября 1920 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 5. Д. 959.
14. Показания С.Г. Лукирского. 17–19.01.1931 г. // Ведомственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП (Дело «Весна»). Т. 65. Ч. 1. Л. 40.
15. Радиogramма Н.Н. Петина. 08.07.1920 г. // РГВА. Ф. 102. Оп. 1. Д. 56. Л. 93.